

В. А. Квашнин

LEX CLAUDIA 218 г. до н.э. И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена анализу различных точек зрения на закон Клавдия 218 г. до н.э. Автор выделяет несколько историографических линий, привязывающих принятие закона к определенному фактору либо группе факторов, которые были обозначены как «политическая», «экономическая», «социальная» и «военная».

Ключевые слова: Древний Рим, классическая Республика, закон Клавдия, историография, сенат, всадники.

Среди законов, принятых в Древнем Риме в III в. до н.э., пожалуй, ни один не вызвал такого пристального внимания исследователей, как *lex Claudia de nave senatorum* (известный также как *plebiscitum Claudianum*), принятый в период между 220 и 218 гг. до н.э.¹ Основным источником сведений о законе является небольшое сообщение Тита Ливия (XXI. 63. 3–4). Согласно ему, закон Клавдия запрещал семьям сенаторов владеть морскими кораблями грузоподъемностью свыше семи-восьми тонн. Возможное подтверждение сведений Ливия содержится в прологе к пьесе Тита Макция Плавта «Купец», датируемой началом II в. до н.э. (Мегс. 73–78). Некоторым дополнением к сведениям Ливия может также служить материал «Веррин» Марка Туллия Цицерона (2 *Verg.* II. 5. 45).

Несмотря на незначительный объем информации, донесенной до нас Ливием, его сообщение породило обширную литературу. Ни один более или менее подробный обзор истории республиканского Рима не обходится без упоминания об этом законе. Связано это в первую очередь с тем, что *lex Claudia* имел конституирующее значение, определяя границы свободы экономической деятельности *ordo senatorum*. Несмотря на явную скудость сведений об этом законе он до сих пор вызывает оживленную дискуссию в историографии. Только перечень основных точек зрения по этому вопросу, обобщающий историографию вопроса, занимает несколько страниц². При этом следует отметить, что разброс мнений авторов очень велик и выводы, к которым они приходят порой диаметрально противоположны. Другой особенностью историографии данного вопроса является то, что исследователи часто выходят за рамки предложенного решения, выдвигая альтернативные гипотезы, что затрудняет четкую классификацию высказанных в литературе точек

Квашнин Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент Вологодского государственного педагогического университета.

¹ Наиболее устоявшейся в историографии является датировка закона 218 годом до н.э. (Broughton 1951, 238).

² См. Cássola 1962, 216–217; Baltrusch 1989, 32–38.

зрения. Ф. Кассола в этой связи выделяет четыре направления в историографии, обозначенные им как «техническое», «моралистическое», «административно-моралистическое» и «экономическое»³. По мнению Э. Балтруша, существуют три точки зрения на закон Клавдия: «политическая», «экономическая» и «военная»⁴. Таким образом, по своей сути дискуссия сводится к вопросу о соотношении экономических, политических, социальных и военных аспектов ситуации, подготавлившей принятие закона.

Внимание исследователей практически сразу же привлекло то обстоятельство, что Ливий в своем сообщении акцентирует внимание на роли Гая Фламиния в принятии закона Клавдия, подчеркивая «антисенатский» характер его деятельности, что и дало начало одной из линий историографии вопроса. Отталкиваясь от демократической направленности деятельности Гая Фламиния, Т. Моммзен постулировал существование в конце III в. до н.э. блока демократических и торгово-купеческих («капиталистических») кругов, борющихся с нобилитетом. Как отмечает Моммзен, инициатива принятия Клавдиева закона исходила не от сената, а была делом «демократической оппозиции, которая желала только устранить зло, заключающееся в том, что члены правительства обращают само управление в источник дохода... капиталисты действовали заодно с демократической партией и воспользовались удобным случаем, чтобы путем исключения сенаторов уменьшить число своих конкурентов»⁵. Как далее указывает исследователь, задача полного отстранения сенаторов от торговой деятельности не была решена окончательно, поскольку они могли действовать скрытно через различных посредников. Значение закона Клавдия он видит в том, что тот провел четкую грань между политической аристократией (сенаторским сословием) и финансовой аристократией, ядро которой составило всадническое сословие⁶.

Характеристику, которую Моммзен дает закону Клавдия, нельзя рассматривать в отрыве от общей концепции его «Истории Рима». Обращает на себя внимание то, что этот закон подвергается анализу не в рамках историко-правового исследования, такого, как «Римское государственное право» или «Римское уголовное право», а в более ранней «Истории Рима» с характерной для нее публицистичностью и субъективизмом в оценках общественных деятелей, политических группировок и общественных сил. Стремясь «оживить», сделать более доступной и понятной для массового читателя того времени древнеримскую историю, Т. Моммзен модернизует ее, приближая политическую и социальную жизнь римского общества к реалиям западноевропейского (и в первую очередь прусского) общества середины XIX в. В частности, это проявляется в вычленении им трех крупных социальных сил (простой народ, представленный демократическими кругами, – всадники, составившие торгово-купеческую прослойку, – и знать-нобилитет), сложные взаимоотношения которых позволяли проводить прямые аналогии с политической борьбой германских юнкеров, буржуазии и пролетариата.

Следует также отметить, что влияние идей, высказанных Т. Моммзенем, во многом связано с тем, что выводы, к которым он приходит (в частности, это характерно для истории принятия Клавдиева закона), органично наложились на определенную тенденцию в мировой историографии, связанную с модернизацией

³ Cássola 1962, 216.

⁴ Baltrusch 1989, 34.

⁵ Моммзен 1997, 663.

⁶ Моммзен 1997, 663–664.

античной истории, представленной в работах Э. Мейера, П. Делуме, Г. Ферреро и др. Можно говорить о том, что Т. Моммзен заложил определенную историографическую традицию, которой следовала значительная группа исследователей конца XIX – начала XX в., чьи интерпретации закона Клавдия различаются лишь в отдельных деталях. Так, идея о том, что торгово-финансовые круги Рима желали посредством закона Клавдия устранить конкурентов из числа сенатской знати высказывалась французским исследователем А. Пиганьолем⁷. В духе моммзеновских построений оценивается принятие *lex Claudia* в работах Г. Ботсфорда, Х. Хилла, Ф. Де Мартино⁸. По мнению Л. Ланге, Э. Мейера, М. Гельцера, целью закона было заставить политический класс Рима действовать в интересах как граждан, так и провинциалов, дистанцировав его от мира дельцов с их специфическими интересами и ценностями⁹. С точки зрения Х. Хилла, мотивы принятия Клавдиева закона были смешанными, частично питаясь недоброжелательным отношением к сенаторскому сословию со стороны других социальных групп, частично определяясь желанием оздоровить провинциальную администрацию и сделать завоевательные войны менее привлекательными для сенаторов¹⁰.

Подобный взгляд на закон Клавдия характерен и для исследователей более позднего времени. Во многом это объясняется господством утвердившейся в исторической литературе с середины XIX в. бинарной модели римского гражданства, включавшей в его состав «правлящий класс» (сенаторы и всадники) и «плебс» (основная масса городского и сельского населения). При этом внутри господствующего класса сенаторы воспринимались, прежде всего, как крупные земельные собственники-латифундисты, тогда как всадники считались торгово-финансовой аристократией, занимавшейся торговлей, откупам, ростовщичеством. Подобное понимание структуры высшего класса объясняет ту легкость, с которой инициатива принятия закона Клавдия приписывалась как нобилиям-землевладельцам, так и всадникам – финансистам и купцам. Так, Х. Скаллард рассматривает закон Клавдия в контексте политической борьбы аристократических группировок и, в частности, деятельности Гая Фламиния, который выступает, согласно его построениям, в роли выразителя интересов клана Эмилиев–Сципионов¹¹. При этом, как отмечает исследователь, закон имел характер антисенаторской меры. Его значение заключается в том, что он провел четкую границу между земледелием и торговлей, разделив правящий класс и класс предпринимателей. Как полагают Х. Скаллард, несмотря на то что сенаторы имели возможность обойти запрет, действуя через вольноотпущенников или предоставляя займы крупным торговцам, это разделение было реальным, что указывает на эффективность закона¹². Й. Бляйкен также указывает на наличие в политике Гая Фламиния тенденции, на первый взгляд далекой от аграрной политики, – стремления к строгой регламентации образа жизни

⁷ Piganiol 1939, 83.

⁸ Botsford 1909, 335 f.; Hill 1952, 51; Martino 1979, 126.

⁹ Lange 1877, 162–165; Meyer 1924, 399–400; Gelzer 1912, 14, 20.

¹⁰ Hill 1952, 87. Еще ранее П. Виллемс (1878, 202) указывал на «антисенатскую» деятельность Гая Фламиния как попытку защитить провинциалов от грабежа римских наместников.

¹¹ Scullard 1951, 44, 48.

¹² Scullard 1980, 318. Любопытно, что в силу аналогичных соображений о легкости преодоления сенаторами запретов, налагаемых законом Клавдия, А. Гуарино счел закон малозначимым и не оставившим после себя никакого следа в римской истории (Guarino 1982, 12).

сенаторов. По его мнению, ее инициаторами была большая группа *homines novi*, влияние которой усилилось настолько, что между 243 и 216 гг. до н.э. в Риме появляется двенадцать «новых» консулов. Таким образом, закон Клавдия, с одной стороны, регулировал образ жизни сенаторов, а с другой – создавал предпосылки для возникновения в римской общине капиталистической прослойки. Принятие закона, согласно Бляйкену, недвусмысленно свидетельствует о влиянии новой социальной группы, борющейся со «старым» нобилитетом¹³. Д. Кинаст в свою очередь отмечает превентивный характер *lex Claudia*, оценивая его принятие как свидетельство существования в Риме довольно большого «несенатского» слоя граждан, обладающих значительным состоянием, усиление политического влияния которых могло нарушить установившийся баланс сил¹⁴.

Данная точка зрения получает свое развитие в исследованиях, увидевших свет в 60-х годах XX в. А. Тойнби в известной работе «Наследие Ганнибала» указывает, что целью закона Клавдия являлось намерение лишить членов правящего класса возможности обогащения не только путем морских торговых операций, но и любых форм предпринимательской деятельности¹⁵. Помимо прочего, как отмечает Тойнби, закон Клавдия должен был «подрезать крылья римскому истеблишменту», удерживая его от слишком активной борьбы за те выгоды, которые приносила предпринимательская деятельность, получившая бурное развитие вследствие развития городского ремесла. В результате принятия закона экономические интересы сенаторов должны были быть переориентированы на земледелие, главный источник доходов сенатской элиты в прошлом¹⁶. Положения закона Клавдия способствовали укреплению позиций новой социальной группы, которую исследователь обозначает как «коммерческий класс» (*business class*), поскольку она получила фактическую монополию на предпринимательскую деятельность, не связанную с аграрным сектором: торговлю, ремесло, выполнение государственных контрактов и др.¹⁷

Новый социальный класс был влиятельным и преуспевающим уже к началу Ганнибаловой войны, что, по мнению Тойнби, и демонстрирует закон Клавдия. Как отмечает исследователь, новый закон питался не только завистью и ожесточением по отношению к правящей олигархии. Исключение одной социальной группы из сферы предпринимательства сопровождалось предоставлением монополии в этой сфере другой группе, и эта группа уже должна была быть достаточно могущественной, чтобы рассматриваться как фактор внутренней политики Рима. Закон Клавдия был в первую очередь выгоден новому экономическому классу, и его вдохновитель, Гай Фламиний, должен был учитывать возможность опереться на новую силу для преодоления сопротивления сенатской олигархии. Как замечает Тойнби, новый класс явно не разделял тесной связи Фламиния с крестьянством, но политический союз между двумя этими силами был возможен. У новых союзников Гая Фламиния не было оснований возражать против его политической программы, главным пунктом которой было резкое расширение территории распространения римских крестьянских поселений за счет широкой колонизации Италии – вопреки стремлению правящей олигархии заморозить существующие общинные

¹³ Bleicken 1955, 31–36.

¹⁴ Kienast 1979, 139, Anm. 21.

¹⁵ Toynbee 1965, 186.

¹⁶ Toynbee 1965, 187. Ср.: Фриц 2007, 261.

¹⁷ Toynbee 1965, 189.

структуры Рима, гарантирующие их политическое господство¹⁸. Весьма важна, с точки зрения Тойнби, и дата принятия закона. Начавшаяся в 218 г. до н.э. война с Карфагеном открывала широкие возможности для обогащения путем выполнения государственных контрактов. Поддержав закон Клавдия, римский «коммерческий класс» добился исключительного права на выполнение военных подрядов, отстранив сенаторов от всех форм предпринимательства¹⁹.

Специальную статью проблеме Клавдиева закона посвятил израильский исследователь Цви Явец, отметивший существование вне сената влиятельной деловой группы, своего рода новой плебейской знати. Основываясь на работах Х. Скалларда, он включает в ее состав фамилии Мамилиев, Отацилиев, Аквиллиев, Атилиев, Аврелиев, Лутациев, Дуилиев, Цецилиев и Фульвиев. Ее отличительной чертой было то, что представители «новой знати» не ограничивали свои экономические интересы инвестициями в сельское хозяйство, но участвовали в торговых операциях больших масштабов. Обогатившись в период первой Пунической войны и последующие годы, они рассматривали сенаторов как нежелательных конкурентов, вторгавшихся в их сферу деятельности. В результате эта группировка воспользовалась благоприятным моментом, оказав политическую поддержку лидеру популистской ориентации Гаю Фламинию. Ц. Явец также высказывает серьезные сомнения в эффективности закона Клавдия в части противодействия торговым операциям сенаторов, считая его полностью устаревшим ко времени Цицерона. Смысл закона, по его мнению, заключался не в запрете коммерческой деятельности сенаторов как таковой, а в том, что, будучи лишены возможности действовать напрямую, сенаторы оказывались привязанными к посредникам из числа новых плебейских фамилий²⁰.

А. Липпольд также полагает, что закон Клавдия был инициирован сформировавшимся в Риме между первой и второй Пуническими войнами слоем «новых богачей», в который вошли торговцы, владельцы больших ремесленных мастерских, банкиры и др. По его мнению, закон упорядочивал экономическую деятельность сенаторов и создавал предпосылки для формирования в Риме капиталистической прослойки, ядром которой было всадничество²¹.

Эта, по-своему логичная, конструкция, представленная в работах целой группы исследователей, была видоизменена итальянским исследователем Ф. Кассолой, который высказал предположение, что целью *lex Claudia* было воспрепятствовать торговцам и публиканам войти в сенат, исключив их из римского политического сообщества. Косвенно законом Клавдия была задета та часть аристократии, которая основывала свой престиж и процветание на поддержке со стороны дельцов, – эта группа и составила ту упорную оппозицию закону, что была зафиксирована источником. Как полагает Ф. Кассола, представители деловых и торговых кругов пользовались поддержкой со стороны части римской аристократии, хотя этой группе и не удалось создать стабильное большинство в сенате. Воздерживаясь от личного

¹⁸ До А. Тойнби похожая идея высказывалась П. Фраккаро, согласно которому сопротивление сената политике Гая Фламиния определялось боязнью разрушить сложившиеся общинные структуры. Как подчеркивает исследователь, Фламиний явно выступает преемником того политического направления, ориентировавшегося на сельский плебс, которое было представлено Манием Курием Дентатом и Гаем Фабрицием (Frassago 1956, 109–110).

¹⁹ Toynbee 1965, 350.

²⁰ Yavetz 1962, 341–344.

²¹ Lippold 1963, 92–93.

участия в торговой деятельности (по сложившейся традиции до закона Клавдия, и по необходимости после него), знать использовала в качестве инструмента своих интересов торговцев и публиканов, в состав которых входили не только римские, но и этрусские, греческие, италийские дельцы²².

В 70-е годы XX в. выходит цикл работ В. Харриса, посвященный экономическим аспектам проблемы римского империализма во II в. до н.э.²³ Характеризуя различные формы воздействия войны на римское общество, Харрис неоднократно обращается к закону Клавдия, рассматривая его в контексте проблемы экономических интересов сенатской аристократии Рима того времени. Предпринятая В. Харрисом попытка оспорить основные положения теории «оборонительного империализма», восходящей к Т. Моммзену и М. Олло, основывалась на аргументации положения, согласно которому желание славы и экономических выгод от успешных войн было главным стимулом римского милитаризма. Это обусловило акцент на экономических мотивах, определявших, по мысли автора, политику римского государства в III–II вв. до н.э. В первую очередь теми выгодами, которые несла с собой война, пользовалась сенатская аристократия, обогащаясь за счет военной добычи и обращения в рабство военнопленных. Следствием этого процесса Харрис считает не только изменение традиционной структуры собственности, когда основной доход приносили земельные владения, но и деловых интересов сенаторов. Получаемые от войны сверхприбыли инвестировались (хотя и не всеми сенаторами) в морскую торговлю и ростовщичество.

Основная проблема, на которой исследователь акцентирует внимание, – это отношение римской знати к богатству и путям его достижения. Поскольку сообщение Ливия часто интерпретируется как указание на существование в среде римской аристократии отрицательного и даже презрительного отношения к богатству, полученному в результате торговли или иных форм деловой активности, Харрис делает попытку опровергнуть такое толкование²⁴. То, что сенат в полном составе выступил против принятия закона, говорит, по его мнению, о том, что текст закона не отражал точку зрения и интересы самих сенаторов. Харрис оговаривается: лишь небольшая часть сенаторов была глубоко вовлечена в широкомасштабную морскую торговлю – основанием для этого вывода служит тот факт, что закон все же был принят²⁵.

Отвечая на вопрос, какая социальная группа инициировала принятие *lex Claudia*, исследователь полагает, что закон был принят под давлением зажиточного слоя граждан, занятых торговой деятельностью, которые видели в сенаторах своих конкурентов и сумели обеспечить серьезную политическую поддержку выгодного им закона²⁶. С другой стороны, отмечает Харрис, стремительное обогащение части гражданского коллектива способствовало установлению тесных связей между сенаторами и состоятельными людьми несенаторского звания, в том числе торговцами. Политическое влияние последних Харрис не склонен преуменьшать:

²² Cássola 1962, 215–218.

²³ Harris 1971, 1371–1385; 1979.

²⁴ Одним из ярких примеров в этом ряду являются работы Т. Франка, несомненно, оказавшие сильное влияние как на современную ему, так и последующую историографию (Frank 1927, 108–126). Ср. Earl 1967, 31–32.

²⁵ Harris 1979, 66–67.

²⁶ Harris 1979, 91. В данном случае автор следует выводам Ф. Кассолы, суждения которого по экономической ситуации в Риме III в. до н.э. оценивает достаточно высоко, и, вероятно, Ц. Явеца. См. Harris 1971, 28, п. 2; 1979, 65, 67, п. 1; 80, п. 2.

объявление Делоса свободным портом в 165 г. до н.э. и разрушение Коринфа в 146 г. до н.э. он считает примером того, «сколь мало мы знаем о том, как формировалась политика в Риме и к кому прислушивались члены сената»²⁷. «Особые» отношения между сенаторами и торговцами приводили к тому, что время от времени сенат использовал всю мощь государства в интересах больших торговых групп. Таким образом, версия Харриса относительно причин принятия закона Клавдия, несмотря на некоторую противоречивость (влияние торговых кругов должно было быть очень велико, чтобы под их нажимом дружественный им сенат принял невыгодный для себя закон)²⁸, логически вытекает из развиваемой автором концепции римского империализма²⁹. В целом автор не склонен придавать закону Клавдия слишком большое значение, считая его с самого начала «неработающим». Как полагает Харрис, сенаторы быстро научились обходить ограничения, вводимые законом, действуя через подставных лиц из числа низших сословий, чья экономическая активность не была юридически ограничена.

В это же время попытку нового решения старой проблемы предпринимает Ю. фон Унгерн-Штернберг, рассматривающий закон Клавдия в контексте проблемы «борьбы сословий». Как полагает исследователь, после принятия закона Гортензия в 287 г. до н.э. сословная борьба в Риме трансформируется в противостояние малообеспеченных слоев *civitas* и государства, представленного сенатской олигархией. При этом от внимания современных авторов часто ускользает то, какие формы обретает реакция основной массы населения римской общины на формирование патрицианско-плебейского нобилитета. Одно из ее проявлений фон Унгерн-Штернберг видит в деятельности Гая Фламиния. Основной причиной, вызвавшей к жизни закон Клавдия, согласно его точке зрения, было нежелание преуспевающих плебейских семей, вошедших в круг сената, придерживаться традиционной модели поведения в общественной жизни. Посредством закона Клавдия, отстранившего их от предпринимательской деятельности, Гай Фламиний и его союзники пытались выработать особое плебейское самосознание («идентичность»). Таким образом, этот закон был направлен в первую очередь против плебейской части сенаторов, связанных с торговлей. Поддержку в проведении через народное собрание закона Клавдия обеспечили, по мнению фон Унгерн-Штернберга, как консервативные круги, опиравшиеся на крестьянство, так и группа, ориентировавшаяся на деньги и торговлю, которая видела в сенаторах нежелательных конкурентов³⁰.

Израильская исследовательница, ученица Ц. Явца Р.Ф. Вишня также отвергает существующий в античной традиции образ Гая Фламиния как радикального демагога, считая его дальновидным римским политиком, использовавшим различные средства в целях преодоления негативных социальных и экономических явлений своего времени. Одним из них был закон Клавдия, апеллировавший к тос

²⁷ Harris 1979, 99.

²⁸ В. Харрис, пытаясь как-то объяснить эту парадоксальную ситуацию, замечает: «Следует согласиться – и это представляет большой интерес – с тем, что сенаторы допускали определенные ограничения своей возможности пользоваться выгодами системы империализма» (1979, 90).

²⁹ Близкие построениям В. Харриса идеи были высказаны в статье Ц. Явца, указывавшего на существование вне сената влиятельной деловой группы, своего рода новой плебейской знати. С другой стороны, Харрис активно использует положения работы Ф. Кассолы. Возможно, наложение идей этих исследователей и вызвало определенную противоречивость его построений.

³⁰ Ungern-Sternberg 2006, 158–159.

maiorum. По мнению Вишни, закон был направлен как против сенаторов, которые были собственниками двухсот квинкерем, построенных во время первой Пунической войны на частные средства, так и против конкретных публиканов, имевших политические амбиции. Определенную роль в принятии закона сыграли и крупные коммерсанты, выполнявшие прибыльные военные подряды и не желавшие вмешательства сенаторов в их сферу интересов. С помощью закона Клавдия Гай Фламиний сумел усилить разделение между сенаторами и публиканами, которое начинало уже размываться³¹.

Близкий подход присутствует и в работах последнего времени. Так, В. Кункель видит в законе Клавдия попытку со стороны Гая Фламиния и представляемых им сил предотвратить все более возрастающее расхождение интересов крестьянского сословия и сенаторской аристократии, подавив деловые интересы последней³². На демократические тенденции *lex Claudia* указывает и венгерская исследовательница Н. Эль-Бехайри, рассматривая закон в контексте «революционной» деятельности Гая Фламиния. С точки зрения воздействия на развитие гражданского коллектива, закон Клавдия был составной частью политики Фламиния, расколовшей римскую общину на две части – связанную с сельским хозяйством (и политически представленную сенаторской аристократией) и переориентировавшуюся на торговлю и ремесло (соответственно, представленную формирующимся всадническим сословием)³³. Отстранив сенаторов от доходных торговых операций, Фламиний пытался избежать резкого конфликта интересов между крестьянским сословием и сенаторской аристократией³⁴. А. Ботильери, автор монографии, посвященной законам о роскоши республиканского периода, вслед за Ф. Кассолой высказывает предположение, что Гай Фламиний пытался воспрепятствовать проникновению торговцев в сенат и магистратуры, выражая интересы определенной политической группы, связанной с сельским плебсом и пользовавшейся его поддержкой. С точки зрения публичного права закон Клавдия восполнял отсутствие формального запрета на доступ в сенат для лиц, традиционно далеких от политики и общественного управления, но в силу политических амбиций, порожденных бурным ростом личного состояния, претендовавших на это³⁵.

Таким образом, значительное число исследователей, принадлежащих к различным национальным школам, которые в разное время и стояли на совершенно разных мировоззренческих и методологических позициях, сходятся в признании определяющего значения именно политического фактора в принятии закона Клавдия. Среди важнейших факторов, вызвавших к жизни закон, называется, во-первых, выделение внутри римской общины влиятельной «торговой» группы, сосредоточившей в своих руках значительные средства, и, во-вторых, укрепление не только экономических, но и политических позиций «новой знати», стремившейся к расширению своего влияния как на италийском и заморских рынках, так и в жизни *civitas*. При этом, однако, остается неясным, был ли вызван закон стремлением торгово-финансовых кругов, заключивших союз с политиками плебейско-крестьянской ориентации, отстранить от морской торговли конкурентов в лице сенаторов (как полагали Т. Моммзен, Ф. Де Мартино, Эд. Мейер, М. Гельцер, Х. Скаллард,

³¹ Vishnia 1996, 30 ff.

³² Kunkel, Wittmann 1995, 612.

³³ El Beheiri 2004, 76.

³⁴ El Beheiri 2001, 62–63.

³⁵ Bottiglieri 2002, 77–79.

Й. Бляйкен, А. Тойнби) или же, напротив, желанием патрицианской части сената исключить из состава курии представителей деловых и торговых кругов (позиция А. Пиганьоля, Ф. Кассолы, В. Харриса, А. Ботильери). Кроме того, К. Николе обратил внимание на то, что если буквально следовать версии Тита Ливия, то получается, что, с одной стороны, сенаторы хотели бы продолжать (или начать) заниматься коммерческой деятельностью, а с другой – наиболее зажиточная часть плебса, выступавшая против этого и поддержавшая Гая Фламиния и Квинта Клавдия, закрывала для себя возможность войти в сенат³⁶. Следует согласиться с замечанием Дж. Д'Армса о том, что осязаемый недостаток сведений источников, которые могли бы подтвердить тот или иной вариант «политической» версии, делает все построения такого рода, по крайней мере, рискованными³⁷.

В историографии, однако, существует и иное направление, связанное с поиском экономических мотивов принятия закона Клавдия. В качестве альтернативной гипотезы они присутствуют уже в работах Т. Моммзена и М. Гельцера. Ряд исследователей в 20–30-х годах XX в. с модернизаторских позиций рассматривали закон Клавдия как средство, позволявшее избежать чрезмерной капитализации крупного землевладения, чреватой постепенным переносом экономических интересов сенаторов за пределы аграрного сектора³⁸. По мнению Г. де Санктиса целью закона было заставить крупных землевладельцев инвестировать свои капиталы в аграрный сектор с целью модернизации сельскохозяйственного производства³⁹. Такого же мнения придерживался Т. Франк, отмечавший, что «указание Ливия на то, что римляне считали доходные занятия делом, недостойным сенатора, является, несомненно, правдой»⁴⁰. Исследователь полагал, что поскольку целью инициаторов закона было отстранение сенаторов от морской торговли, это позволяет заключить, что по крайней мере некоторые из членов курии принимали в ней участие⁴¹. В другой своей работе Франк рассматривает закон Клавдия в более широком контексте – как одно из проявлений недовольства римского народа сенатом, которое выразилось в намерении ограничить законом деятельность правящего класса строго определенными сферами общественной жизни: войной, политикой и законодательством⁴².

В том же духе высказывается М. Кроуфорд, который видит в законе Клавдия попытку со стороны гражданской общины придать нобилитету характер «аристократического» сословия, экономической основой которого являлось бы земледелие⁴³. Согласно Кроуфорду, закон Клавдия не имел практических последствий, поскольку мог быть легко обойден сенаторами, чья коммерческая активность маскировалась различного рода посредниками. Истинный смысл закона заключается в том, что он смог удачно выразить фундаментальную установку римского

³⁶ Nicolet 1980, 879.

³⁷ D'Arms 1981, 32.

³⁸ Stein 1927, 7–8; Jenny 1936, 3–7. Ср. Schneider 1974, 75, Anm. 243.

³⁹ Sanctis 1917, 334–335.

⁴⁰ Frank 1927, 114.

⁴¹ Frank 1927, 114, n. 4.

⁴² Frank 1933, 74. Следует отметить, что чисто теоретически такая попытка могла иметь место. Как отмечали В.И. Кузищин и Е.М. Штаерман (1989, 42), труд в римской *civitas* рассматривался не столько как частное дело гражданина, сколько как отправление определенной общественной функции, что является следствием самого характера античной гражданской общины как «корпорации граждан в войне и труде на общую пользу».

⁴³ Crawford 1976, 203, n. 28.

политического класса на то, что аристократ должен жить за счет земельной собственности. Значение закона Клавдия исследователь видит и в том, что он отразил публичное признание за сенатом функции правящего органа римской общины. Отстранение сенаторов от морской торговли, по его мнению, следует считать мерой, принуждавшей членов курии к дистанцированию от сиюминутных интересов, никак не связанных с публичными обязанностями сенатора. Закон также выразил волю римского народа к упорядочению поведения политических лидеров путем его ограничения особыми правовыми рамками⁴⁴.

Качественно иное осмысление проблемы присутствует в работах сторонников «экономического» объяснения, которых объединяет «антимодернизаторская» направленность их исследований. Неудовлетворенность модернизаторским подходом, ощущаемая в послевоенном антиковедении, способствовала зарождению в 60-е годы XX в. направления, основанного на стремлении выявить своеобразие и даже уникальность античного общества. Отталкиваясь от представления об античном обществе как о явлении самостоятельном и неповторимом, исследователи данного направления делали акцент на специфике различных сторон его жизни, в том числе социальной и экономической. Наиболее видным представителем «примитивистов» является М. Финли, среди многочисленных работ которого выделяется исследование «Древняя экономика»⁴⁵. В нем М. Финли решительно выступает против использования при изучении античного общества понятий и категорий, применяемых в истории нового и новейшего времени. Античная экономика, по его мнению, всегда оставалась тесно связанной с натуральным производством, основой которого неизменно оставалось крестьянское хозяйство. Финли отвергает существовавшее долгое время в историографии представление об «античном капитализме», указывая, что в античном мире не мог существовать мировой рынок, не было борьбы за рынки сбыта, как не было античной буржуазии или войн, вызванных торговыми интересами. В связи с этим он возражал против использования применительно к древнему обществу таких категорий, как «прогресс», «инвестиции», «спрос и предложение», справедливо отмечая, что античный полис был, прежде всего, центром потребления, а не производства.

Следует отметить, что концепция «примитивизма» оказала достаточно сильное влияние на значительную часть специалистов, занимающихся изучением античного мира. Так, в своих работах Э. Габба соглашается с тем, что политика экспансии способствовала бурному развитию в III–II вв. до н.э. коммерческой деятельности, которая прежде занимала маргинальное положение в римском обществе. Вместе с тем Габба подчеркивает, что значение торговли для *civitas* не следует преувеличивать, даже если она и получила развитие в высших классах как средство для быстрого обогащения. Принятый в конце III в. до н.э. закон Клавдия не только ограничил, но и практически уничтожил коммерческую деятельность сенаторов. По мнению итальянского исследователя, закон носил превентивный характер, стремясь в первую очередь предотвратить возможность совершения сенаторами рискованных инвестиций, способных разрушить экономическую основу и моральное состояние правящего класса. Таким образом, главной целью закона Клавдия было сохранение гомогенности элиты путем предотвращения экономического банкротства нобилитета в результате необдуманных или рискованных экономических операций. Закон Клавдия, ограничивавший торговую деятельность для сенаторов, был необходим

⁴⁴ Crawford 1978, 76.

⁴⁵ Finley 1973.

для того, чтобы нейтрализовать опасности, связанные с ней, поскольку они могли привести к быстрому исчезновению экономической основы правящего класса, что ставило под угрозу весь цензитарный строй римского общества⁴⁶.

Как полагает авторитетный специалист в области древнеримской экономики Ж. Андро, связи между сенаторами и торговцами в III–II вв. до н.э. не были столь устойчивыми и тесными, как это порой представляется в литературе⁴⁷. Он выступает против слишком широких обобщений на основе единичных свидетельств, отмечая, что в письменных источниках данного периода значительно полнее представлено сельское хозяйство, а не торговля, хотя данные археологии и позволяют сделать вывод о развитии последней, пусть даже в отрыве от сенаторского сословия. Поворотным пунктом в расхождении интересов торговцев и сенаторов стал закон Клавдия. Как подчеркивает Андро, этот закон позволяет увидеть, какую роль играли в торговле и финансовой деятельности всадники и сенаторы. Хотя закон и признавал любую коммерческую выгоду недостойной, он тем не менее не делал для сенаторов недоступными все формы предпринимательской деятельности. Передаваемая Ливием формулировка закона Клавдия ясно показывает, как он полагает, что отношение римлян к торговой деятельности не было однородным. В этой сфере они различали целый ряд ролей в социально-экономических отношениях, отличавшихся специфическим способом извлечения прибыли: одни из таких ролей оказались под запретом для сенаторов и их сыновей, а другие – нет. В целом закон Клавдия был призван сохранить традиционную структуру собственности и социальный образ сенаторского сословия⁴⁸.

Затрагивается проблема принятия закона Клавдия и в монографии Дж. Д'Армса, значительная часть которой посвящена экономической деятельности сенаторского сословия. Исследователь настаивает на том, что реальные экономические предпосылки к ограничению коммерческой деятельности сенаторов существовали. Хотя, как подчеркивает Д'Армс, сенаторы являлись землевладельцами по определению, к началу Ганнибаловой войны они были широко вовлечены в прибыльные внешнеторговые операции. Утверждение Ливия о том, что торговля признавалась безусловно позорной для сенаторов, вслед за В. Харрисом подвергается Д'Армсом сомнению. Исследовав отношение римского общества к богатству и тому, из каких источников оно складывается, американский исследователь показывает сложную и неоднозначную картину. Источники демонстрируют как примеры презрительного отношения к торговле и торговцам, так и отношение к *mercatores* как лицам не только богатым, но и уважаемым. Само по себе богатство никогда не осуждалось в Риме, указывает Д'Армс, напротив, оно было важным признаком человека, занимающего высокое социальное положение. Отношение к торговле зависело прежде всего от ее масштабов и конечных целей. Римские аристократы III в. до н.э. не только стремились к достижению богатства такими способами, которые были морально приемлемыми для них, но и, скорее всего, не находили ничего порочащего в занятии морской торговлей. Таким автор видит исторический фон принятия закона Клавдия. Сам по себе закон, как полагает Д'Армс, присоединяясь к позиции Т. Франка и ряда других исследователей, должен быть интерпретирован

⁴⁶ Gabba 1988, 27–44.

⁴⁷ Andreau 2004, 218 ss.

⁴⁸ Andreau 1980, 914; 918, n. 4.

как попытка ограничить деятельность правящего класса исключительно публичной сферой⁴⁹.

Указание на экономические мотивы принятия закона Клавдия встречается и в работах самого последнего времени. Так, У. Мальмандье рассматривает закон в контексте победы Рима в Пунических войнах, а в более широком масштабе – военной экспансии Римского государства, одним из следствий которой стал быстрый рост системы государственных откупов. Выгоды, которая несла с собой провинциальная система, привела к возникновению *ordo publicanorum*, попытавшегося монополизировать эту область. После того как закон Клавдия отстранил сенаторов от участия в торговых предприятиях, она перешла под исключительный контроль всадников, которые составляли большинство публиканов еще до принятия закона⁵⁰.

Ж.-Ж. Обер также связывает появление закона Клавдия с последствиями военной экспансии Рима, в результате которой появляются заморские провинции и складываются новые рынки. Это в свою очередь приводит к расцвету морской торговли, позволявшей получать значительную прибыль в относительно короткие сроки. Однако снаряжение торговых кораблей требовало крупных инвестиций, что делало потенциальной группой риска представителей высших сословий, имевших необходимые средства. Используя данную Ливием оценку закона Клавдия как направленного против интересов знати, исследователь приходит к выводу, что истинными вдохновителями закона были представители всаднического сословия, достаточно состоятельные для того, чтобы инвестировать крупные торговые проекты, и достаточно амбициозные и влиятельные, чтобы вытеснить сенаторов из сферы морской торговли.

В то же время Обер решительно отвергает наличие политических мотивов, учитывавшихся при принятии закона, считая его выражением естественного стремления правящего класса к выбору такой экономической стратегии, которая позволяла бы его членам не отвлекаться от исполнения публичных обязанностей. Поэтому в отношении сенаторов не поощрялась чреватая большими рисками морская торговля, но в то же время не вызывала возражений возможность продажи части урожая на италийском рынке. Несколько противореча себе, Обер указывает, что закон Клавдия также должен был послужить препятствием для коррупции и предотвратить потенциально возможный конфликт интересов сенаторов и наместников провинций. Все же главной его целью, по мнению исследователя, было удержать правящий класс от прямого и широкого участия в коммерческой деятельности, в связи с чем закон Клавдия может быть назван первым из большой серии законов о роскоши, определявших экономическую роль и моральный облик правящего класса⁵¹.

Как можно заметить, в статье Ж.-Ж. Обера находят свое отражение точки зрения, в разное время высказанные Т. Франком, Э. Габбой, М. Кроуфордом и Дж. Д'Армсом. Обращает на себя внимание и то, что зачастую эти исследователи выделяют причины, связанные не с экономикой как таковой, а скорее с социальными процессами, имевшими место в римской гражданской общине. Свое выражение они нашли в юридизированных, а по сути – идеологических формах, апеллировавших к традиционным установкам и ценностям. На это обстоятельство было обращено

⁴⁹ D'Arms 1981, 31–34.

⁵⁰ Malmendier 2005, 33.

⁵¹ Aubert 2006, 166–168.

внимание в работах Й. Бляйкена, Ю. фон Унгерн-Штернберга, М. Кроуфорда, Ж. Андро, Р.Ф. Вишни⁵².

Однако наибольшее свое выражение эта идея находит в работах К. Николе. Как отмечает французский исследователь, проблема соотношения экономических, социальных и правовых структур общества является очень сложной задачей для современного ученого, который зависит от позднейших (и по большей части анахроничных – по его мнению) источников, в любом случае передающих «деформированную» информацию⁵³. Фундаментальный труд К. Николе «Всадническое сословие в эпоху Республики (312–43 гг. до н.э.)» вызвал настоящий переворот в антиковедении – как в том, что касается понимания места *ordo equester* в структуре гражданской общины, так и в представлении о расстановке основных социальных групп в Риме⁵⁴. На основе всестороннего изучения литературных, юридических, эпиграфических текстов Николе дает определение всадничества как юридически оформленного сословия, формировавшегося на основе особого имущественного ценза и обладавшего военно-управленческими общественными функциями. Таким образом, господствовавшее в литературе разделение сенаторов и всадников на «латифундистов» и «капиталистов», а также отождествление всадничества с публиканами и ростовщиками было решительно отвергнуто французским ученым. Резкое возражение у Николе вызывает противопоставление экономических ролей сенаторского и всаднического сословий, на чем настаивают сторонники политической мотивации закона Клавдия. По мнению исследователя, их противопоставление ни на чем не основано, поскольку с экономической точки зрения это не два класса, а две общественные корпорации – *ordo*, основу богатства которых составляло земледелие. Отрицать определенные различия между этими группами абсурдно, но принципиально важно то, что сенаторы не были торговой или финансовой олигархией. Источники показывают, что сенаторы – это бывшие высшие магистраты, а не крупнейшие собственники, что вполне естественно для древнеримского «политического» общества, в котором доступ к определенным функциям был задуман в корпоративной форме, с выраженной тенденцией к наследственности⁵⁵. Как особо подчеркивает Николе, данное явление не было естественным продуктом эволюции социальных структур римской общины, а возникло в результате сознательного конструирования *civitas* и носило добровольный характер⁵⁶.

Закон Клавдия не запрещал сенаторам быть богатыми, но ограничивал их экономическую деятельность. Поскольку он не был политической «конъюнктурной» мерой, не имеет принципиального значения ни точная дата принятия закона, ни тоннаж судов, запрещенных для использования сенаторами, ни проблема санкций за нарушение положений закона, который, возможно, не предусматривал иного

⁵² Так, Ж. Андро в докладе «Римская *civitas* и ее отношение к торговле и к миру обмена» отмечает, что на развитие торговли могли оказывать влияние самые разные мероприятия социального характера, в том числе действия властей, нацеленные на удовлетворение интересов или поддержание статуса определенных общественных групп. Примером, по его мнению, является *lex Claudia*, имевший целью сохранение определенного имущественного и социального облика сенаторского сословия. См. Ляпустина 1995, 221.

⁵³ Nicolet 1980, 873.

⁵⁴ Nicolet 1966.

⁵⁵ Nicolet 1980, 882–884.

⁵⁶ Nicolet 1980, 877–878.

зыскания кроме цензорского замечания⁵⁷. По мнению Николе, вторжение общины в экономику было продиктовано отнюдь не экономическими целями. Запрет на коммерческую деятельность сенаторов имел, прежде всего, идеологический характер, поскольку он должен был способствовать сохранению традиционного образа жизни членов курии. Напрасным было бы искать в этом законе выражение чьих-то финансовых или коммерческих интересов. Как подчеркивает исследователь, в контексте аристократического общества закон Клавдия должен был отвечать аристократическому менталитету. Речь скорее должна идти о «катоновском» стиле данного решения, вдохновленного традиционными ценностями римской общины, целью которого было утвердить «немеркантильный» характер его политического класса. Таким образом, Клавдиев закон был, прежде всего, консервативной мерой, обращенной к прошлому, а не будущему римской *civitas*⁵⁸. Однако он имел определенные последствия как для экономики, так и социальной структуры Рима. К таковым Николе относит слияние всадников и публиканов, ставшее следствием политики римского государства, исключившего сенаторов из откупных операций и навязавшего статус всадника и всаднический ценз представителям крупных компаний откупщиков⁵⁹.

В опубликованной в том же томе «Анналов» статье И. Тебер, полемизируя с основными положениями концепции К. Николе, все же соглашается с тем, что экономическая деятельность для сенаторов была вторичной. Это положение, считает он, справедливо и применительно к всадникам, поскольку их *dignitas* предполагала то же отрицательное отношение к предпринимательству, что вытекало из статуса сенаторов. Участие в откупах и подрядах затрагивало лишь незначительную часть римского всадничества, в связи с чем они не могли составить ни основу для формирования капиталистической прослойки, ни группу с экономическими интересами, кардинально отличающимися от интересов сенатского сословия, ни составить политическую оппозицию последнему⁶⁰. В то же время, как отмечает исследователь, предприниматели составляли социальную среду, явно отличавшуюся от землевладельцев. Основной источник их доходов, как и господствующий тип экономической деятельности, не был связан с землей. В связи с этим их образ жизни, моделируемый подобной реальностью, полностью отличался от образа жизни землевладельцев и не был совместим с образом жизни сенаторов⁶¹.

Проблема интерпретации Клавдиева закона затрагивается и в работах Э. Грюэна⁶². Исследователь подвергает критике сообщение Ливия, указывая, что описание сенатской оппозиции закону Клавдия выглядит сильно преувеличенным. *Lex Claudia*, по его мнению, обретает смысл только в том случае, если часть сенаторов была вовлечена в морские торговые операции действительно больших масштабов⁶³. Однако, каков бы ни был истинный политический смысл этой меры, она

⁵⁷ К. Николе присоединяется к тем исследователям, которые идентифицируют закон Клавдия как *lex imperfecta* (Nicolet 1980, 893, n. 13). В то же время он высказывает определенные сомнения, опираясь на сведения «Веррин» Цицерона, которые, по его мнению, косвенно указывают на возможность обращения в суд в случае нарушения запрета, вводимого законом.

⁵⁸ Nicolet 1980, 882.

⁵⁹ Nicolet 1980, 889.

⁶⁰ Thébert 1980, 896.

⁶¹ Thébert 1980, 900.

⁶² Gruen 1984a, 59–82; 1984b, 301–308.

⁶³ Gruen 1984a, 6; 1984b, 307.

указывает лишь на наличие вне сената людей, занятых морской торговлей. При этом возможность как принятия закона под нажимом этих лиц, так и того, что в нем были заинтересованы сенаторы, отрицается Грюэном. Таким образом, он отвергает распространенное в литературе мнение о том, что закон Клавдия отразил попытку неких деловых кругов в Риме исключить сенаторов из сферы заморских торговых операций. По мнению исследователя, причины принятия закона следует искать не в желании какой-то социальной группы получить экономические преимущества, а в морализаторской тенденции, связанной со стремлением сохранить престиж сенаторского сословия⁶⁴.

Следует отметить, что в работах Э. Грюэна содержится скрытая, а порой и прямая полемика с идеями, высказанными В. Харрисом⁶⁵. Грюэн не отрицает наличия в Риме достаточно влиятельных деловых групп, в состав которых входили откупщики (*publicani*), ростовщики (*feneratores*), крупные и мелкие торговцы (*negotiatores* и *mercatores*). Расцвет их активности, по мнению исследователя, приходится на конец III – начало II в. до н.э.⁶⁶ Однако сенаторы были очень далеки от того, чтобы подчинять государственную политику интересам деловых сообществ и часто вступали с ними в конфликт. В основе этих конфликтов тем не менее не лежало принципиальное расхождение интересов, которое могло бы подтолкнуть деловые круги Рима к «лоббированию» законопроекта, ущемлявшего экономические интересы сенаторов.

Явно неприемлемой для автора является и логика рассуждений Ф. Кассолы. Э. Грюэн признает, что многие сенаторы имели экономические интересы, выходящие за пределы традиционного землевладения. Однако от признания этого очевидного факта очень далеко до спекулятивного умозаключения, будто экономические инициативы сенаторов определяли или, по крайней мере, оказывали сильное влияние на принятие государственных решений. Сенаторы, по мнению исследователя, вели себя крайне осторожно и избегали даже зародыша конфликта собственных экономических интересов и интересов государства⁶⁷.

Как можно видеть, Э. Грюэн, удачно избежав крайностей как «модернизации» римской истории, так и ее «примитивизации», тем не менее не дает прямого ответа на вопрос о причинах, вызвавших принятие закона Клавдия. Многочисленные противоречия и неувязки, связанные с попыткой объяснить издание закона Клавдия теми или иными социально-экономическими факторами, стимулировали иную

⁶⁴ Gruen 1984a, 42, n. 43; 1984b, 301, n. 65.

⁶⁵ Можно заметить, что по своей структуре статья Э. Грюэна воспроизводит распределение материала во II главе книги Харриса, которая распадается на несколько подразделов: государство – сенаторы – другие группы гражданского коллектива. Такое совпадение явно не является случайным, поскольку Грюэн последовательно пытается опровергнуть основные положения концепции Харриса, предлагая свое видение основных тенденций развития римского общества в III–II вв. до н.э. Подраздел «Italy and Beyond, 327–220 B.C.» книги В. Харриса слабо представлен в статье Грюэна по причине того, что ее главной задачей было заявлено исследование римской экспансии в III–II вв. до н.э. с особым упором на взаимоотношения Рима и эллинистического Востока (Gruen 1984a, 30).

⁶⁶ Gruen 1984a, 34–35. В данном случае следует отметить резко отрицательное отношение К. Николе к распространенному в историографии мнению о бурном развитии финансового и торгового капитала в конце III в. до н.э., поскольку, как полагает исследователь, речь должна идти о том, чтобы это положение убедительно доказать, а не о том, чтобы утверждать это на основе весьма расплывчатых данных (Nicolet 1980, 887).

⁶⁷ Gruen 1984a, 36–37.

логику научного поиска. В самом общем виде она сводится к тому, что принятие lex Claudia не имело четко обозначенных политических либо экономических причин. Это в свою очередь позволило вывести на первый план идеологический аспект проблемы, с самого начала присутствовавший в работах исследователей.

Данное положение в полной мере относится к монографии Э. Балтруша, в которой автор не только дает подробный историографический обзор литературы, посвященной закону Клавдия, но и довольно подробно обосновывает собственную точку зрения⁶⁸. Ее трудно однозначно отнести к определенному направлению историографии вопроса, поскольку фактически автор предлагает несколько вариантов решения проблемы, каждый из которых представлен в предшествующей литературе. Так, Балтруш отмечает, что новые возможности к достижению богатства через участие в торговых предприятиях, появившиеся у римской элиты в III в. до н.э., создавали новые возможности и для усиления политического влияния. Ограничение экономической активности сенаторов исключительно областью сельского хозяйства, воспринимавшегося в качестве традиционного источника доходов аристократии, своим следствием имело фактическое отделение сенаторского *ordo* от основной массы граждан. Поэтому, как полагает Балтруш, данный запрет имеет политическое происхождение⁶⁹. Внешне этому не противоречит и утверждение о том, что проблема, вызвавшая к жизни закон Клавдия, – это неравномерность распределения выгод и издержек войны⁷⁰. По мнению Балтруша, политика Гая Фламиния была связана с той частью сенатской аристократии, которая опиралась на сельское население и представляла в курии его интересы⁷¹. Большинство сенаторов выступили против Гая Фламиния, поскольку они опасались не только того, что его политика ударит по их экономическим интересам, но и того, что она скажется на их политическом влиянии⁷².

В то же время исследователь оговаривает, что Фламиний вряд ли может быть отнесен к принципиальным противникам сената и его политического влияния, поскольку он сам был сенатором, а его цензорская деятельность не носила антисенатской направленности. Однако, как замечает автор, Фламиний мог попытаться повлиять на состав курии⁷³. При принятии закона главными все же были политические соображения, которые заключались в том, что господствующий класс привязывался к определенной хозяйственной модели. Это объясняет и распространение запрета на сыновей сенатора, что способствовало выделению и обособлению сенаторского *ordo* в качестве особого, правящего, сословия.

Поэтому закон Клавдия не был, как полагают некоторые исследователи, революционным актом. Напротив, как считает Балтруш, он фиксировал сложившуюся в римском обществе ситуацию или даже возвращал к прошлому, воплощенному в *mos maiorum*. То, что широкая сенатская оппозиция так и не смогла победить в споре с инициаторами закона, он объясняет бедственным положением, вызванным Ганнибаловой войной⁷⁴. Отчасти объяснением этого может служить то, что закон

⁶⁸ Baltrusch 1989, 30–40.

⁶⁹ Baltrusch 1989, 31.

⁷⁰ Следует отметить, что по большей части именно этой проблеме была посвящена монография В. Харриса, по какой-то причине не учтенная автором.

⁷¹ Данная точка зрения широко представлена в немецкоязычной историографии; ср. Meyer 1924, 390; Schur 1927, 117.

⁷² Baltrusch 1989, 33.

⁷³ Baltrusch 1989, 35.

⁷⁴ Baltrusch 1989, 36.

Клавдия не предусматривал прямых санкций, поскольку, будучи *lex imperfecta*, он основывался прежде всего на коллективном контроле над моралью общины, осуществлявшемся в форме *regimen morum*. Давая общую оценку закона Клавдия, Балтруш указывает, что он представляет собой особый случай, являясь пробным законопроектом, открывшим дорогу целой серии законов (*leges sumptuariae*), целью которых было закрепление существующего положения вопреки новым тенденциям в развитии римской *civitas*. Безусловно, закон Клавдия реагировал на конкретные явления, вызванные изменениями в экономическом поведении сенаторов вследствие успешной военной экспансии III в. до н.э. Однако поскольку закон был издан с моральным обоснованием вводимых запретов, это создавало впечатление того, что он был принят в интересах всего сенаторского сословия. По сути, заключает Балтруш, этот закон служил обоснованием для более поздних законов о роскоши, которые реагировали на изменения в среде нобилитета регламентацией поведения его членов в частной жизни. При этом инициатива принятия подобных законов неизменно принадлежала влиятельным представителям сенатской аристократии, таким, как Фабий или Катон, которые, хотя и не могли сослаться на авторитет Гая Фламиния, пошли по проложенному им пути⁷⁵.

Особым направлением в историографии вопроса является ряд работ, в которых акцент делается на военном аспекте проблемы. Практически все исследователи обращали внимание на время принятия *lex Claudia*. Введение в действие такого закона в условиях разворачивающихся военных действий между Римом и Карфагеном наводит на мысль о том, что между двумя этими событиями должна существовать какая-то связь. В 60-е годы XX в. А. Пеллетье высказал смелую гипотезу, согласно которой введение закона Клавдия было продиктовано исключительно потребностью в увеличении римского флота для перевозки войск в начавшейся войне с Ганнибалом, поскольку первоначальный план ведения войны предусматривал удар двумя консульскими армиями, которые было необходимо десантировать в Испанию и Африку. Только появление Ганнибала в Северной Италии сорвало планы африканской экспедиции на начальном этапе войны⁷⁶.

Эта идея не нашла поддержки у исследователей, однако в 1972 г. Р. Эррингтон вернулся к обсуждению военных аспектов истории принятия закона Клавдия. По мнению исследователя, в 218 г. до н.э. сенаторам и их сыновьям посредством этого закона было запрещено участвовать в публичных транспортных подрядах, которые давались самим же сенатом. Как полагает Эррингтон, это была популярная за пределами сената мера, поскольку она отстраняла отдельных сенаторов от выгод, которые несли те или иные решения государства, или, что еще важнее, от того влияния, которое они оказывали на принятие государственных решений. В то же время эта мера была крайне непопулярна в курии, поскольку контракты по снабжению и снаряжению армии были весьма прибыльным делом, учитывая сенатский план войны на два фронта – в Испании и Африке. Однако народное собрание поддержало законопроект, более того, избрание Гая Фламиния консулом в критическом 217 г. до н.э., по мнению Эррингтона, во многом было обусловлено его поддержкой закона Клавдия⁷⁷.

В 1990-е годы Р.Ф. Вишня выдвинула не менее оригинальную гипотезу, согласно которой Клавдиев закон относился к тем представителям сенаторского сословия,

⁷⁵ Baltrusch 1989, 39.

⁷⁶ Pelletier 1969, 7–14.

⁷⁷ Errington 1972, 68.

которые являлись собственниками кораблей, входивших в эскадру из 200 судов, построенных на частные средства в 242 г. до н.э. во время первой Пунической войны⁷⁸.

В 2003 г. К. Брингман возобновил обсуждение этой проблемы, высказав серьезные сомнения в достоверности традиции, представленной Ливием. По его мнению, утверждение Ливия о том, что в 218 г. до н.э., в преддверии войны с Ганнибалом, был инициирован серьезный конфликт между сенатом и народом, весьма сомнительно. Контекст, в котором необходимо воспринимать закон Клавдия, следует искать в начальном периоде Ганнибаловой войны. Поскольку Рим планировал двойное вторжение в Северную Африку и Испанию, им были собраны две сухопутные армии, что требовало огромного по тем временам транспортного обеспечения в виде морских транспортных судов, которые необходимо было зафрахтовать у частных лиц. Такие военные расходы превышали финансовые возможности римского государства. Как отмечает К. Брингман вслед за Р. Эррингтоном, с начала войны огромные деньги были заработаны – или могли быть заработаны – частными лицами на поставках и перевозке людей, лошадей и материалов. Это создавало благоприятные возможности для части сенаторов обогатиться в условиях военного бума того времени. Таким образом, закон Клавдия был также средством «политической гигиены», поскольку он разрывал порочную практику, когда одни и те же лица определяли военные расходы (и соответственно финансовые траты) государства и одновременно извлекали личную выгоду из них. Ввиду исчерпания финансовых возможностей Рима в 218 г. до н.э. закон Клавдия выразил стремление государства обеспечить свои транспортные нужды, отстранив под благовидным предлогом сенаторов и их сыновей от коммерческой деятельности⁷⁹.

Подводя итог, следует отметить, что интерпретация закона Клавдия является крайне сложной задачей для исследователя. В первую очередь это связано с минимумом информации как о самом законе, так и о тех социальных, политических и экономических условиях, в которых он принимался. С другой стороны, крайняя скудость сведений о *lex Claudia* благоприятствует появлению большого числа гипотез и концепций, противоречащих друг другу и только еще более затемняющих картину событий и запутывающих исследователя. В литературе, посвященной закону Клавдия, явно прослеживаются несколько историографических линий, привязывающих его принятие к определенному фактору либо группе факторов.

Первой из них является *политическая*, предполагающая, что закон Клавдия был принят в интересах определенной политической группировки либо социальной группы. В зависимости от позиции конкретного исследователя к ним были отнесены сенаторы, всадники, публиканы, крупные торговцы, ростовщики (Т. Моммзен, Л. Ланге, А. Пиганьоль, Г. Ботсфорд, Х. Хилл, Ф. Де Мартино, Эд. Мейер, М. Гельцер, Х. Скаллард, Й. Бляйкен, А. Тойнби, Ф. Кассола, Ц. Явец, Ю. фон Унгерн-Штернберг). В связи с этим следует отметить характерное для данной концепции отсутствие четких критериев в части определения социального субъекта, выступавшего движущей силой в принятии Клавдиева закона. Очевидно, что до 218 г. до н.э. как сенаторы, так и всадники, предположительно составлявшие ядро антисенатской оппозиции, могли быть связаны с торговлей, откупам и государственными подрядами. С другой стороны, как показали исследования К. Николе,

⁷⁸ Vishnia 1996, 30f.

⁷⁹ Bringmann 2003, 318–320.

и сенаторы, и всадники не представляли собой закрытых гомогенных сообществ, спаянных общими экономическими интересами, антагонистичными по отношению друг к другу.

С точки зрения *экономического* объяснения закон Клавдия был вызван объективными экономическими тенденциями в развитии римской общины и напрямую не затрагивал интересы каких-либо социальных групп и сил. Такое объяснение предполагает, что закон не лоббировался в интересах какого-либо политического или иного сообщества, будучи направлен на достижение экономических, а не узко-конъюнктурных политических целей (Г. де Санктис, Т. Франк, Э. Габба, М. Кроуфорд, Ж. Андро, Дж. Д'Армс, Ж.-Ж. Обер). В этом случае необъясненным остается недвусмысленное указание источников на то, что внесение Клавдиева закона вызвало острый конфликт между сторонниками закона и его противниками из числа сенаторов.

Согласно *социальному* (которое также может быть обозначено как *идеологическое*) объяснению закон Клавдия не был порожден политической борьбой, как и экономическим развитием *civitas*. Его целью была консервация либо создание (в зависимости от позиции отдельного исследователя) определенных ценностных установок и ориентиров, связанных с выполнением определенных общественных функций сенаторами. Поэтому в равной степени оно может быть обозначено и как «идеологическое» и как «социальное» с той оговоркой, что закон был вызван не социальной борьбой, а являлся попыткой конструирования определенного социального порядка (К. Николе, Э. Грюэн, Э. Балтруш). Как представляется, данный подход является более продуктивным, позволяя выйти из историографического тупика, в который, по сути, зашло обсуждение проблемы Клавдиева закона.

Наконец, *военное* объяснение предполагает, что закон Клавдия имел конъюнктурный характер, будучи порожден конкретной ситуацией начального периода Ганнибаловой войны, что не исключает учета и иных мотивов, связанных с политикой, идеологией и экономикой (А. Пеллетье, Р. Эррингтон, Р.Ф. Вишня, К. Брингман).

Однако выявление конкретного повода к принятию закона не снимает вопроса о причинах его «востребованности» римским обществом и спустя столетия после его появления. Уже отмечалась особенность литературы, посвященной закону Клавдия: исследователи часто не удерживаются в рамках одного объяснения, предлагая сразу несколько причин, что затрудняет четкую классификацию историографии вопроса. Поэтому и предложенная выше классификация носит достаточно условный характер, так как различные концепции достаточно органично «перетекают» друг в друга. Связано это и с тем, что принятие закона Клавдия было событием, в котором тесно и порой неразрывно переплелись моменты идеологические, социально-экономические и политические. Слабым местом многих работ, посвященных закону Клавдия, является то, что на первый план ставится один из аспектов проблемы в ущерб другим, причем часто без учета той конкретно-исторической ситуации, в которой был принят закон. Антиковедческие штудии, идущие в этом направлении уже более столетия, привели лишь к выделению множества факторов, которые могли повлиять на принятие закона Клавдия. Таким образом, восстановление исторического фона принятия *lex Claudia* – первоочередная и главная задача исследователя. На наш взгляд, наиболее плодотворным является рассмотрение закона Клавдия в контексте первых лет Ганнибаловой войны с учетом тех разноплановых изменений, которые имели место в римской общине к концу III в. до н.э.

Литература

- Кузицин В.И., Штаерман Е.М.* 1989: Экономика и политика в античном обществе // Вопросы истории. 8, 39–53.
- Ляпустина Е.В.* 1995: Конференция по древней экономике (Сен-Бертран-де-Комменж, 6–7 мая 1994 г.) // ВДИ. 2, 218–226.
- Моммзен Т.* 1997: История Рима / Пер. с нем. Т. 2. СПб.
- Фриц К. фон* 2007: Теория смешанной конституции в античности: Критический анализ политических взглядов Полибия / Пер. с англ. СПб.
- Andreau J.* 1980: Réponse à Yvon Thébert // *Annales*: E.S.C. 5, 912–919.
- Andreau J.* 2004: Les commerçants, l'élite et la politique romaine à la fin de la République (IIIe–Ier siècles av. J.-C.) // *Mercanti e politica nel mondo antico* / C. Zaccagnini (ed.). Roma, 217–243.
- Aubert J.-J.* 2006: The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection // *The Cambridge Companion to the Roman Republic* / H. Flower (ed.). Cambr., 160–178.
- Baltrusch E.* 1989: Regimen morum. Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München.
- Bleicken J.* 1955: Das Volkstribunat der Klassischen Republik: Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 138 v.Chr. München.
- Botsford G.W.* 1909: The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic. N.Y.
- Bottiglieri A.* 2002: La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana. Napoli.
- Bringmann K.* 2003: Zur Überlieferung und zum Entstehungsgrund der lex Claudia de nave senatoris // *Klio*. 85. 2, 312–321.
- Broughton T.R.S.* 1951: The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. N.Y.
- Cássola F.* 1962: I gruppi politici romani nel III secolo a.C. Trieste.
- Crawford M.H.* 1976: The Early Roman Economy, 753–280 B.C. // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Heurgon*. Roma, 197–207.
- Crawford M.H.* 1978: The Roman Republic. Sussex (NJ).
- D'Arms J.* 1981: Commerce and Social Standing in Ancient Rome. Cambr. (Mass.)–L.
- Earl D.* 1967: The Moral and Political Tradition of Rome. L.
- El Beheiri N.* 2001: Die lex Claudia de nave senatorum // *Revue Internationale des droits de l'antiquité*. 48, 57–63.
- El Beheiri N.* 2004: Die römische Zensur – ein entwicklungsgeschichtlicher Abriss // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 44, 47–98.
- Errington R.M.* 1972: The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power. Ithaca (NY).
- Finley M.I.* 1973: The Ancient Economy. Berkeley–Los Angeles.
- Fraccaro P.* 1956: Opuscula. T. I. Pavia.
- Frank T.* 1927: An Economic History of Rome. 2nd ed. Baltimore.
- Frank T.* 1933: An Economic Survey of Ancient Rome. Vol. I. Baltimore.
- Gabba E.* 1988: Del buon uso della ricchezza: Saggi di storia economica e sociale del mondo antico. Milano, 27–44.
- Gelzer M.* 1912: Die Nobilität der römischen Republik. Lpz–B.
- Gruen E.S.* 1984a: Material Rewards and the Drive for Empire // *The Imperialism of Mid-Republican Rome* / W. Harris (ed.). Rome, 59–82.
- Gruen E.S.* 1984b: The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley–Los Angeles –London.
- Guarino A.* 1982: Quaestus omnis patribus indecorus // *Labeo*. 28, 1–12.
- Harris W.V.* 1971: On War and Greed in the Second Century B.C. // *American Historical Review*. 76, 1371–1385.
- Harris W.V.* 1979: War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxf.
- Hill H.* 1952: The Roman Middle Class in the Republican Period. Oxf.
- Jenny B.* 1936: Der römische Ritterstand während der Republik. Diss. Zürich.
- Kienast D.* 1979: Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit. 3. Aufl. Darmstadt.
- Kunkel W., Wittmann R.* 1995: Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik. München.
- Lange L.* 1877: Römische Alterthümer. Bd II. B.
- Lippold A.* 1963: Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulates von 264 bis 201 v. Chr. Bonn.
- Malmendier U.* 2005: Roman Shares // *The Origin of Value* / W. Goetzmann and G. Rouwenhorst (ed.). Oxf., 31–42.
- Martino F. de* 1979: Storia economica di Roma antica. 2 ed. T. I. Firenze.
- Meyer Ed.* 1924: Kleine Schriften. Bd II. Halle.

- Nicolet C.* 1980: Économie, société et institutions au IIe siècle av. J.-C.: de la *lex Claudia* à l'ager exceptus // *Annales*: E.S.C. 5, 871–894.
- Nicolet C.* 1966: L'ordre équestre à l'époque Républicaine (321–43 av. J.C.). T. I. P.
- Pelletier A.* 1969: A propos de la *lex Claudia* de 218 av. J.-C. // *Rivista di studi liguri*. Anno XXXV. 1–3, 7–14.
- Piganiol A.* 1939: Histoire de Rome. P.
- Sanctis G. de* 1917: Storia dei Romani. T. III. Milano–Torino–Roma.
- Schneider H.* 1974: Wirtschaft und Politik. Untersuchungen zur Geschichte der späten römischen Republik. Diss. Erlangen.
- Schur W.* 1927: Scipio Africanus und die Begründung der römischen Weltherrschaft. Lpz.
- Scullard H.* 1951: Roman Politics, 220–150 B.C. Oxf.
- Scullard H.* 1980: A History of the Roman World, 753–146 B.C. (4-th ed.). L.–N.Y.
- Stein A.* 1927: Der römische Ritterstand. München.
- Thébert Y.* 1980: Économie, société et politique aux deux derniers siècles de la république romaine // *Annales*: E.S.C. 5, 895–911.
- Toynbee A.J.* 1965: Hannibal's Legacy. Vol. II: Rome and Her Neighbours after Hannibal's Exit. London–New York–Toronto.
- Ungern-Sternberg J. von* 2006: Das Ende des Ständekampfes // *Ungern-Sternberg J. von*. Römische Studien: Geschichtsbewusstsein – Zeitalter der Gracchen – Krise der Republik. München–Leipzig.
- Vishnia R.F.* 1996: State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 B.C. L.
- Willems P.* 1878: Le sénat de la république romaine. T. I. Louvain.
- Yavetz Z.* 1962: The Policy of C. Flaminius and the Plebiscitum Claudianum // *Athenaeum*. 40 (3–4), 327–344.

LEX CLAUDIA 218 BC AND ITS INTERPRETATIONS IN THE HISTORIOGRAPHY

V. A. Kvashnin

The article is devoted to the analysis of the various points of view on *lex Claudia* of 218 BC. The author investigates various concepts from T. Mommsen up to our days. Four historiographic lines are analyzed in the article. The first of them is a «political» explanation, assuming that *lex Claudia* was adopted in interests of a certain political group or social group. The «economic» explanation assumes that *lex Claudia* was caused by objective economic tendencies in the development of the roman *civitas*. Such explanation assumes that the law was not lobbied in interests of any political community. According to the «social» explanation (which also can be designated as «ideological»), *lex Claudia* was not brought to life by political struggle or economic development. The purpose of the law was to preserve or create the system of moral values of the senators as of the «public» *ordo*. Lastly, the «military» explanation assumes that *lex Claudia* had tactical character at the early stage of Hannibalic war.